

Гермиона медленно открыла глаза, когда первые щупальца солнечного света проникли через восточное окно, пыль в комнате была видна, когда она танцевала в лучах раннего утра. Она застонала от боли из-за скованности в суставах и попыталась повернуться и потянуться, заставляя себя шевелиться, но обнаружила, что ее способность двигаться полностью ограничена.

Внезапно она почувствовала, как будто ее ударили по лицу, когда осознание того, что она была связана — нет, связана — как какой-то зверь на бойне, заставило ее полностью проснуться, ее чувства были на пределе. Но она по-прежнему не могла двигаться.

Затем он вернулся к ней; смутные воспоминания о ее звериной форме сменились твердым и определенным знанием, что ее волчье зелье не сработало и что она заперта в своей камере с Роном.

Рон!

Она боролась со своими оковами, не обращая внимания на свою наготу под одеялом, но обнаружила, что не может даже повернуться, чтобы увидеть, что лежит позади нее. Она почувствовала, что начинает паниковать, и почувствовала неприятный привкус во рту, а также что-то застрявшее между зубами. Мелькающие образы того, что было раньше, начали кружиться в ее голове. Она сплюнула; раз, два, три раза, когда она пыталась вычистить рот, но вскоре обнаружила, что задыхается, поскольку с нарастающим чувством ужаса она рассматривала то, что она только что извергла.

Плоть.

Ее кишки содрогнулись при виде этого зрелища, и все ее тело боролось со связывающими ее веревками, когда она начала биться в конвульсиях и ее рвало; ее разум кричал от отвращения и ужаса.

'ПОМОГИ МНЕ!' ей наконец удалось закричать. «Помогите мне кто-нибудь», — добавила она, но на этот раз ее голос был прерывистым всхлипом. Ее разум был наводнен проблесками перепуганного Рона; того, как она бросилась в атаку, но она не могла собрать образы воедино в связную картину. Уровень ее паники усилился, и она не обращала внимания на звук отдергивающихся засовов; распахнутой двери; голоса, выкрикивающего Finite Incantatem, и приближающихся шагов. Только когда она почувствовала, как чьи-то руки накрыли ее одеяло на ее плечах, а затем крепко обняли ее, она поняла, что ее путы были освобождены.

— О, мой бедный ребенок. Мой бедный, бедный ребенок.

Гермиона узнала успокаивающий тон; знакомый мягкий шотландский акцент Минервы МакГонагалл, и она почувствовала, что уровень ее паники начал отступать. Она смутно осознавала, что в комнате кто-то есть, но по мере того, как она пыталась понять, что происходит, она еще крепче сжимала себя в объятиях своего любимого профессора.

— Никто не умер, — сказала Минерва, и с этими словами Гермиона почувствовала, как ее переполняло чувство облегчения. — Просто запомни это, — утешительно добавила Минерва. «Никто не умер».

Гермиона поняла тогда, что что-то не так, что тот факт, что никто не умер, не означает, что не случилось чего-то ужасного. Она медленно высвободилась из объятий Минервы и позволила своим глазам осмотреть комнату, заглянуть в тусклые углы, куда еще не проник солнечный свет. Именно в этот момент она увидела его.

Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что там лежит. На первый взгляд это выглядело как куча тряпья, но когда она взгляделась поближе, то безошибочно увидела чью-то фигуру, лежащую под одеялом, казалось бы, связанную и связанную, как и она. Потребовалось мгновение, чтобы она поняла, почему этот человек был связан, и когда ее мысли начали обращаться к Рону и тому, что она с ним сделала, ее глаза наконец привыкли к полумраку. В этот момент она опознала знакомый запах своей лучшей подруги и узнала копну черных волос, которую она знала и так любила. Она поймала себя на том, что отрицательно качает головой, когда волчьи воспоминания о том, что произошло прошлой ночью, наконец вспыхнули в ее голове.

— Нет, — сказала она с нарастающим чувством ужаса. «Нет, нет, нет, нет, нет, нет! Он не может быть! Я не могу! Я... ГАРРИ! - наконец закричала она, не обращая внимания на слезы, катившиеся по ее лицу. Она попыталась двинуться к нему, но обнаружила, что ее сжали еще крепче.

— Не так, Гермиона, — успокоила Минерва. 'Не так. Он скоро проснется, и нам придется с этим разобраться. В этом состоянии ты ничего хорошего не сделаешь. Ради него, вы можете сдержать это? По крайней мере пока? Мне нужно, чтобы ты был сильным, еще раз. Для Гарри.

Гермиона собиралась закричать на своего наставника; драться с ней и проклинать ее только для того, чтобы убрать ее с дороги, но ее усилия были внезапно остановлены голосом из угла.

— Когда вы двое закончите, не мог бы кто-нибудь из вас избавиться от этих чертовых веревок? И можно мне одежду, пожалуйста? Хотя вам может нравиться, что я лежу здесь голой под этим одеялом, чертовски холодно, и я лучше оденусь до того, как кто-нибудь войдет, если вам все равно?

Обе женщины застыли как статуи при этих словах. Ни один из них не понял, что Гарри проснулся, и оба обменялись кратким взглядом, который выражал тысячу слов. Наконец Минерва встала, подняла палочку и сняла веревки, связывавшие Гарри, прежде чем повернуться к Гермионе, наблюдая, как она осталась сидеть на каменном полу, плотнее закутываясь в одеяло. Глубокая тишина заполнила комнату, когда Гарри медленно сел и повернулся к ним лицом, натянув при этом собственное одеяло на плечи. Сначала Гермионе захотелось бежать, убежать от друга, которого она прокляла; беги и оставь его навсегда. Она чувствовала себя нечистой, недочеловеком и неспособной противостоять ему, полагая, что никто не сможет хотеть ее или любить ее когда-либо снова после совершения такого гнусного преступления. Но затем его зеленые глаза остановились на ней и задержали взгляд с такой

силой, что у нее перехватило дыхание. Она чувствовала себя как вкопанная под его пристальным вниманием и не могла бы сбежать, даже если бы все еще хотела. Они смотрели друг на друга, казалось, бесконечный момент времени, их дружба, их мир на краю пропасти. Затем он улыбнулся.

Он улыбнулся.

Все последующие годы Гермиона никогда не забудет этот момент. Никогда не забудет, что, когда ее мир рушился вокруг нее, а она едва цеплялась за реальность, ее самая дорогая подруга спасла ее рассудок — на самом деле, спасла саму ее душу — не более чем улыбкой.

— Все в порядке, Гермиона. Никто не умер, — наконец сказал он, все еще улыбаясь, как будто какой-то личной шутке, и Гермиона поняла, когда он повторил ее слова, что он, должно быть, не спал, когда Минерва вошла в комнату. Это также означало, что он мог уже проснуться, когда она тоже пришла в себя. Она не была уверена, что думает по этому поводу, но у нее не было времени задерживаться на этой мысли, когда Гарри снова заговорил.

'Я в порядке. Как и Рон, я думаю? он взглянул на Минерву, ища подтверждения и получив его кивком от директрисы. Гарри на мгновение вздохнул с облегчением, прежде чем продолжить. 'Как дела?' — наконец спросил он.

На этот раз она могла чувствовать слезы на своих щеках. Несмотря на все, что произошло, его первая забота была о ней. Чувство вины и ненависти к себе, которые поднимались в ней, несколько утихли. Она воспользовалась моментом, чтобы попытаться собраться.

— Не знаю, Гарри, — наконец ответила она дрожащим голосом. 'Как ты можешь быть в порядке? Как мы можем быть в порядке после того, что я сделал? Как ты вообще можешь смотреть на меня...»?

— Не надо, Гермиона. Не делай этого. Он прошаркал по полу и, приблизившись к ней, вытянул руку из-под одеяла и потянулся к ней. Она поколебалась мгновение, прежде чем осторожно протянуть правую руку, а левой застегнула одеяло на шее. Она была удивлена, когда он взял его, ошеломленная тем, как крепко он сжал ее.

'Это не ваша вина. Ничего подобного, — начал он низким голосом. Она хотела заговорить, поспорить с ним, но он крепче сжал ее руку и продолжил. «Что случилось, то случилось. Нет смысла задаваться вопросом, кто виноват и почему это произошло — это ничего не изменит». Он на мгновение замолчал, собираясь с мыслями. «Ты ни разу не бросила меня, Гермиона, во всех моих битвах ты всегда была рядом. Вот почему ты мой лучший друг. Вот почему я никогда не уйду от тебя, что бы ни случилось. Я смог справиться с твоим состоянием, потому что ты все еще ты, и я люблю тебя за это». Он вопросительно поднял бровь. — Ты сейчас пытаешься сказать мне, что не хочешь иметь со мной ничего общего, потому что я оборотень? Ну же, Гермиона; Я ожидал от тебя большего, чем это, — добавил он с мягкой ухмылкой.

Она поймала себя на том, что улыбается легкомыслию в его голосе. Несмотря на ужас ситуации; несмотря на неприятный привкус во рту, слезы на щеках и чувство вины за то, что произошло, она обнаружила, что все еще может улыбаться — что Гарри все еще может заставить ее улыбаться. Но затем чудовищность того, что произошло, поразила ее, и ее тело снова сотряслось от рыданий, но, прежде чем она успела отодвинуться, она обнаружила, что ее тянет вперед в объятия Гарри.

«Шшшш. Не плачь, Гермиона. Все будет хорошо. Обещаю.»

Она никогда не испытывала таких всеобъемлющих объятий за всю свою жизнь, и это было больше, чем произнесенные слова, которые облегчили ее, и она почувствовала, как ее сердце немного поднялось. Она позволила заключить себя в его объятия, и она почувствовала, как его руки гладят ее по спине и волосам, и позволила себя утешить; позволила себе поверить, что, несмотря на все, что произошло, Гарри был прав, и все будет хорошо.

'О ЧЕМ ТЫ ДУМАЛА?! У ВАС НЕТ ПРАВА СЛЕДИТЬ ЗА НАМИ!

— Не надо кричать, Рон! Я знаю, что облажалась, но я должна был знать! — ответила Джинни, сдерживая слезы. — Думаешь, я хотела, чтобы это произошло?

Рон запрокинул голову и уставился в потолок общей гостиной, делая при этом глубокий вдох, а его гнев бурлил под поверхностью. Он знал, что вспыльчивость, вероятно, была его самой большой слабостью, и недавно он сознательно пытался держать себя в руках; думать, прежде чем сказать или сделать что-то, что может усугубить ситуацию. Но он не мог вспомнить период в своей жизни — даже в самые мрачные дни борьбы с Волдемортом — когда его характер подвергался таким испытаниям. Он все еще пытался смириться с их новой реальностью после событий прошлой ночи. Все произошло так быстро — слишком быстро. В один момент он дружелюбно болтал с Гермионой, а в следующий он оказался запертым в коридоре, один из его лучших друзей пытался убить его в образе оборотня, а другой его друг был укушен и проклят навеки. Он все еще не знал истинных масштабов того, что произошло после того, как дверь захлопнулась, поскольку он не мог ни с кем поговорить с тех пор, как этим утром открыли камеру. Все, что он знал, это то, что Гарри и Гермиона находились в больничном крыле и что мадам Помфри ввела строгий запрет на посещение.

— Я знаю, Джинни, — наконец выдал он. Он опустил голову, чтобы посмотреть на нее. — Но почему ты последовала за нами? Почему вы заперли нас?

'Мне было любопытно. Я хотел посмотреть, куда ты идешь. Я... хотела убедиться, что у вас с Гермионой все в порядке, потому что... — она запнулась, не зная, что сказать дальше.

— Потому что ты думаешь, что если мы с Гермионой проведем все время вместе, Гарри вернется к тебе? Ради бога, Джинни! Тебе нужно повзрослеть! Он проигнорировал внезапную хмурость, появившуюся на лице его сестры, и повернулся к камину, глубоко вздохнув, обдумывая, что сказать дальше. Его эмоции были в смятении, когда он обдумывал события прошлой ночи.

Я чуть не умер прошлой ночью.

Он все еще был в шоке от этого простого факта. Хотя за свою короткую жизнь он много раз сталкивался со смертью, этот последний эпизод потряс его до глубины души. Он рассудил, что это произошло потому, что его бдительность ослабла; Волдеморт был побежден, и все должны были жить долго и счастливо. И все же теперь, когда война была выиграна, он был ближе к смерти, чем когда-либо в своей жизни.

Он закрыл глаза и снова не мог видеть ничего, кроме образа Гермионы в ее волчьей форме, бросающейся на него, пытающейся убить, поглотить. Как бы он ни старался, он не мог выкинуть этот образ из головы, и он находил его глубоко тревожным.

Когда я увижу ее снова, увижу ли я Гермиону или волка? Как мне преодолеть это?

Он стряхнул с себя хандру и повернулся к Джинни.

— Ты же знаешь, что никому нельзя рассказывать, не так ли? — спросил он вдруг.

Джинни неуверенно кивнула головой. 'Я знаю. Кому бы я все равно рассказал?

~ Я имею в виду любого, Джинни. Не мама, не папа. Никто, — повторил он. — Это для Гермионы и Гарри, чтобы разобраться с ними в свое время. Я полагаю, что рано или поздно это выйдет наружу, но это должно быть на их условиях. Вы это понимаете?

Джинни снова понимающе кивнула и хотела ответить, но ее внимание было отвлечено, когда портретная дыра распахнулась, и в комнату вошла профессор МакГонагалл. Она выглядела такой серьезной, какой он ее никогда не видел, и он знал, что никому из них это не сулит ничего хорошего.

— Они умываются, — начала директриса. — Поппи проверила их, и ни с одним из них нет ничего физического. Она сделала паузу и облизала губы, размышляя, как лучше продолжить. «У мистера Поттера сейчас, к сожалению, то же... несчастье, что и у мисс Грейнджер, поэтому они попросили некоторое время, чтобы смириться с этим. Надеюсь, вы оба сможете выполнить эту просьбу? — спросила она и мельком взглянула на них обоих. Рон заметил, что она особенно злобно посмотрела на его сестру.

— Когда я смогу их увидеть? — спросил Рон.

Выражение лица Минервы смягчилось, когда она повернулась, чтобы обратиться к Рону. — Думаю, они скоро захотят увидеть тебя, так что не принимай это на свой счет. Мисс Грейнджер особенно... уязвима в данный момент, после того, что произошло. Винит она себя, конечно. Думаю, мистер Поттер делает все возможное, чтобы убедить ее в обратном.

Но это ее вина; она чертов оборотень! — подумал Рон, прежде чем тут же отругать себя за то, что так подумал. Он покачал головой, как бы проясняя ее. Интеллектуально он знал, что Гермиона не просила об этом; что на самом деле это не ее вина и что она будет чувствовать себя ужасно из-за того, что произошло. Но внутренняя часть его изо всех сил пыталась смириться со всем этим. Непрошенный образ Гермионы в ее волчьей форме, готовящейся к удару, вскочил в его сознании.

Он закрыл глаза и отогнал эту последнюю мысль, вместо этого сосредоточившись на текущем разговоре. — Не могли бы вы передать им, что я хотел бы увидеть их, когда они будут готовы? — спросил он Минерву. «Я понимаю, что им нужно время, чтобы приспособиться, но я думаю, что им будет лучше со своими друзьями. Мы все делаем вместе», — добавил он.

Минерва сочувственно кивнула. — Конечно, мистер Уизли. Я передам ваше приветствие и ваше сообщение. Я уверена, что они скоро вас увидят, — начала она. Затем ее тон стал жестче. — А пока я хотел бы побыть наедине с мисс Уизли. Если вы извините нас.

Рон понял, что это последнее предложение было приказом, а не просьбой. Он бросил взгляд на свою сестру и заметил, что она побледнела от слов МакГонагалл, уверенный в том, что надвигается неприятная встреча. Кивнув своему учителю, он повернулся и направился к лестнице в общежитие. Добравшись до своей старой комнаты, он не мог не почувствовать некоторую обиду на двух своих друзей за то, что они исключили его после того, что случилось.

Затем он вспомнил, что только что сказал МакГонагалл.

Мы делаем все вместе.

Когда-то это было правдой, признался он себе. Но он также осознавал, что больше не может заявлять об этом после того, как прошлой зимой бросил своих друзей. Он чувствовал, как его старая неуверенность поднимается на поверхность, и изо всех сил старался подавить ее, пока она снова не пустила корни.

Рон сел на кровать и положил голову на руки. Форма Риддла, которая появилась, когда они открыли медальон, произнесла слова, слишком близкие к правде, чтобы утешить их. Он прочитал саму его душу; осознал его страх, что однажды Гарри и Гермиона перестанут дружить и оставят его. С тех пор, как они с Гермионой поцеловались, его неуверенность отступила, и примерно через шесть недель после победы над Волдемортом он действительно чувствовал, что выходит из тени Гарри. Что Гермиона принадлежала ему и что Гарри в кои-то веки должен был играть вторую скрипку.

То, что произошло прошлой ночью, изменило все. Мало того, что он боролся с образом Гермионы в ее волчьей форме, он также осознавал, что теперь, когда Гарри страдает, есть очень хороший шанс, что два его друга сблизятся еще больше — если это вообще возможно. И снова Гарри спас ему жизнь, хотя на этот раз цена, которую он собирался заплатить за это, была выше, чем когда-либо прежде.

Если не считать того, что он умер и за всех нас. Это была еще одна история, которую можно добавить к легенде о Мальчике-Который-Выжил!

Рон снова покачал головой, понимая, что эти мысли недостойны его. Но он ничего не мог с собой поделать. Не могли помочь ревность, неуверенность или обида. Он становился третьим лишним и, похоже, тоже ничего не мог с этим поделать. Прежде всего, возникла новая реальность, которую просто нельзя было игнорировать.

Что, когда я с самыми близкими друзьями, я буду ненормальным, потому что я не чертов оборотень!

Гарри сел на свою обычную кровать в больничном крыле за задернутыми занавесками и, наконец, нашел время, чтобы обдумать свои мысли. Он все еще пытался смириться со своим новым состоянием, и ему было трудно сосредоточиться, поскольку он постоянно отвлекался на постоянное открытие новых вещей, которые просто... отличались от всего, к чему он привык раньше. Все его чувства были обострены, и он провел большую часть утра, пытаясь приспособиться к нападению на его разум, которое было следствием мощных сообщений, отправленных в его мозг для обработки. Он боролся с этим нападением с тех пор, как проснулся, и только когда Гермиона, наконец, пошла в душ, он, наконец, почувствовал, что может ослабить бдительность.

Все, что он делал с тех пор, как проснулся, было направлено на то, чтобы защитить своего друга. Он проснулся раньше Гермионы, но нашел время, чтобы прийти в себя, так как почувствовал ее тревогу, как только она тоже проснулась.

Он закрыл глаза, когда воспоминание о ее страданиях нахлынуло на него. Он на самом деле чувствовал, насколько обезумевшей она была, и ему не нужно было слышать ее мучительные мольбы, чтобы знать, насколько она была ошеломлена в тот момент. К счастью, Минерва вскоре вошла в комнату и сумела немного успокоить Гермиону. Он рассчитывал, что унесет с собой в могилу отчаянные крики Гермионы. Они казались еще хуже, чем ее крики, когда ее пытал Лестрейндж. Он знал по ее страданиям, что Гермиона была близка к пределу. Он также знал, что она, вероятно, была самым стойким человеком, которого он знал. Именно поэтому он так беспокоился о ней — что даже ее железная решимость была близка к краху.

Когда он сидел и размышлял обо всем, что она сделала для него за эти годы, его переполняли эмоции, охватившие его. Их дружба не была идеальной — были времена, когда они спорили и дрались; когда они причиняли друг другу боль из-за легкомыслия или из-за гордыни. В частности, шестой год был испытанием их уз, и он знал, что на охоте за хоркруксами были случаи, когда их доверие было натянуто до предела.

Растянутый, но никогда не ломался.

Он знал, что если в его жизни и была определенность, единственная скала, на которую он твердо уперся, единственный якорь, на который он полагался во всех бурях, с которыми сталкивался, то это была Гермиона Грейнджер. События прошлой ночи теперь заставили его

осознать, что он часто принимал это как должное; что Гермиона не была камнем — она была из плоти и крови и, в конце концов, как и все остальные, имела предел прочности. Он понял, что, поскольку ее предел был выше, чем у большинства людей, она на самом деле подвергалась большей опасности от самой себя.

Именно по этой причине он отложил в сторону свои непосредственные чувства паники и страха. Его спокойное поведение при встрече с Гермионой было вынужденным, но он знал, что это было необходимо, поскольку он чувствовал, что его друг близок к обмороку, и плохая реакция с его стороны могла сбить ее с ног. Только теперь, в одиночестве на «своей» койке в больничном крыле, он наконец позволил себе ослабить бдительность.

Я оборотень.

Это не казалось реальным. Он едва мог вспомнить свою трансформацию, так как в то время он был без сознания из-за парализатора Рона. В результате он был глубоко обеспокоен тем, что должно было произойти позже, поскольку он знал от Гермионы, что изменение было ужасным опытом. Все, чего он хотел, это заползти куда-нибудь в угол и спрятаться от мира.

Он печально улыбнулся, вспоминая свои слова Гермионе после ее первого превращения.

« Ты остаешься собой, несмотря на изменения».

Это был классический случай, когда ему приходилось прислушиваться к собственному совету, но он знал, что не всегда был особенно искусен в этом. Он также знал, что настала его очередь быть скалой. Слишком часто он просто позволял Гермионе ставить себя и Рона на первое место, и только сейчас он понял, насколько воспринимал ее как должное. И когда он размышлял о своей жизни и проблемах, с которыми он столкнулся и преодолел, стало очевидно, что он действительно добился успеха только в тесном сотрудничестве с Гермионой. В тех немногих случаях, когда они были довольны своей дружбой, случались ужасные вещи — их шестой год был показательным примером.

Он остро осознавал, что теперь, когда они разделили одно и то же проклятие, они оба столкнулись с серьезной проблемой. Он также знал с уверенностью, что им придется держаться вместе, чтобы справиться с трудностями. Они были больше, чем сумма их частей, и хотя он осознавал, как сильно ему нужна Гермиона в жизни, он был достаточно самонадеян, чтобы поверить, что она тоже нуждается в нем. Именно в этот момент он поклялся себе, что всегда будет рядом с ней и никогда больше не будет воспринимать ее как должное.

Он поднял взгляд, когда дверь в ванную открылась, и Гермиона вошла, вытирая полотенцем влажные волосы и глядя на него с выражением, которое было частично надеждой, частично трепетом. Он подавил собственное чувство неуверенности и широко приветственно улыбнулся своей подруге, сказав ей своим выражением лица, что все в порядке. Он знал, что поступает правильно, когда ее ответная улыбка осветила ее лицо и подняла его сердце.

Больше никогда, Гермиона. Никогда больше.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539892>